ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск ежегодника «Человек: образ и сущность» посвящен одной из самых «тонких» и вместе с тем актуальных проблем – проблеме отношения *слова и культуры*.

В обыденном сознании слово понимается как знак предмета или явления, момент и средство языкового общения, как звукосочетание, несущее определенную информацию – команду, выражение эмоционального отношения к реалиям жизни. В этом контексте слово воспринимается как повседневная, привычная реальность, над сущностью которой не имеет резона серьезно задумываться. Ею следует пользоваться.

Углубленные размышления над словом, однако, порождают немало вопросов. Лингвистические исследования, имеющие дело с эмпирией языков – речью и письменностью, сталкиваются с некоей загадочностью слова, интерпретация которой разделяет их на противостоящие группы.

Например, трудно однозначно определить, что составляет сущность слова — его материальная, физическая оболочка или идеальная субстанция? И как возникает связь между смыслом, который несет в себе слово, и его физическим выражением – звуком или письмом? Каким образом может слово, будучи в своей смысловой сущности чем-то невещественным, идеальным, влиять на реальное поведение человека, на его физическую динамику?

Немало недоуменных вопросов порождает и процесс языкового взаимодействия цивилизаций. Если специфика языка определяет характер понимания человеком окружающего его мира, то почему народы, имеющие *разные* языки, могут понимать друг друга; и понимают ли они друг друга правильно?

Ответ на такого рода вопросы как раз и выявляет те составляющие слова, которые превращают его в формирующую силу культуры. И здесь исследователь сталкивается с очередной загадкой, а именно – с магической, сакральной силой слова. Такое слово из обычной «элементарной частицы» языка превращается в *Слово* как исходный принцип цивилизационного бытия. Культура как форма самопонимания и цивилизационного самоопределения вырастает из магии слова, его сакрального смысла.

Исследование этой проблемы можно было бы условно назвать «философией слова». Предмет «философии слова» выявляется уже в известном утверждении, зафиксированном в «Библии». «*В начале было Слово*». Слово здесь понимается как *первоначало бытия*, из которого рождается всё. Открытым философией первоначалам бытия – воде, воздуху, огню, атомам и пустоте, неподвижному бытию Парменида, миру идей Платона – противопоставляется Слово как воспринимаемая и в тоже время таинственная эзотерическая реальность.

Слово как *единство материального и идеального* охватывает всё. Вместе с тем слово воспринимается и как возможная первопричина, и «расщепление» мира на противоположности, и как средство установления гармонии между различными частями целого. В идее органического соединения различного в целое, в более высокий порядок жизни, в космос, преодолевающий хаос, заключено выражение цивилизационного опыта.

«Философию слова» в этом контексте можно трактовать как путь разгадки тайны *магии слова*. Почему слово воспринимается как первоначало, почему возникает вера в то, что силой слова можно изменять естественный ход природных и исторических процессов? Или короче – в чем исток сакральности слова?

Разумеется, можно пойти привычным псевдонаучным путем и обнажить все «нелепости» сакрализации слов. Но цивилизационные механизмы, воссоздающие вновь и вновь эту сакрализацию, от этого не изменятся. Магия слова будет продолжать действовать, поскольку она – не просто нелепость или абсурд фантазии, но *отражение* реальной иерархии феноменов цивилизационного мира и вместе с тем *средство* формирования такой иерархии. Слово выполняет свою магическую функцию, поскольку оно осуществляет структурирование и артикулирование смыслов субъект-объектной реальности. Это – процесс *открытия-фиксации*, создающий новую духовную реальность, которая играет роль той общей для данного конкретного социума платформы и становится нравственным основанием для того, чтобы оценивать поступки отдельных индивидов,

миловать их или казнить. Сакральность слова определяется тем, что именно в нем может заключаться *судьба* каждого отдельного человека, его жизнь или смерть.

В структурах материальных отношений действуют индивидуальные или частные интересы, которые невозможно представить в качестве общей нравственной платформы. К тому же эти интересы могут постоянно меняться под воздействием изменения реальных ситуаций жизни.

В отличие от текучести материального эмпирического мира слово может нести в себе *идеальную реальность*, которая, как представляется, не подвергается эрозии ни под воздействием огня, ни под воздействием меча. Поскольку слово фиксирует сущность общего блага, оно превращается в энтелехию, потенциальную цель, к которой устремляется воля всех, а вместе с тем и ход цивилизационной эволюции.

Сегодня мы воспринимаем многие сакральные слова как некую банальность, как общее место. Между тем человечество шло к ним, к этим понятиям многие века, апробируя их в собственных ситуациях жизни и смерти.

Формирование сакрального контекста слов создает совершенно новую цивилизационную ситуацию, требующую точного словоупотребления. Смешение слов здесь становится столь же опасным, как и соединение химических элементов, образующих взрывчатое вещество. При таком смешении обычное убийство может быть представлено как священное возмездие, как свершение правосудия, агрессия – как акт превентивной самозащиты, геноцид – как механизм совершенствования человеческой расы.

Все это стало реальностью политической жизни в XX в. С этим «багажом», наполненным мешаниной разнородных в своей сущности цивилизационных смыслов, прикрытой внешним благородством слов, человечество «благополучно» переходит в новое тысячелетие. Очевидно, чем это может кончиться.

Такие слова как Бог, Родина, Отечество фиксируют сакральность общих ценностей или региона совместной жизни. Такие понятия как любовь, семья, верность выражают адекватность отношений, способствующих воспроизводству рода, ставящих нравственную границу на пути деструктивной воли, которая также получает свое фиксированное выражение в словах-понятиях, являющихся антиподами сакральных смыслов.

Цивилизация превращает слова в онтологию реальной жизни. И здесь слово выявляет свою реальную сущность как *начало бытия*. Слово

выявляет смысл феноменов, наполняет жизнь содержанием, отличающим ее от простого биологического существования. Теперь такое существование воспринимается как ничтожность бытия, как *пустота*.

Исторически возникающие формы культуры выявляют различные механизмы обретения словом сакрального смысла. Научная ментальность, как известно, свободна от сакральности как таковой. Но это не значит, что механизмы обретения словом сакрального смысла и влияния на формирование культуры не могут стать *предметом научного анализа*. Сакральный смысл не обязательно фиксируется в религиозной форме. Поэзия слова также может выявлять его сакральное значение для человека как знание абсолютных для его жизни смыслов.

Вместе с тем существует реальный вопрос: совместимо ли выявление сакрального смысла слов с ситуацией современного информационного общества? Ведь информационная галактика поставила все сакральные смыслы на общую информационную плоскость и тем самым сделала их *относительными*.

Ситуация нравственного релятивизма и нигилизма, казалось бы, отвечает однозначно на этот вопрос. Однако эта ситуация еще не означает, что она соответствует цивилизационной истине. Для правильного ответа на этот вопрос необходимо уяснить *специфику эпистемологии гуманитарного знания*. Именно эту проблему и проясняет аналитический раздел ежегодника.

Для гуманитарного знания, как знания научного, ключевой является проблема объективности *категорий* организованного знания как предпосылки цивилизационной культуры и адекватного цивилизационного самосознания.

Проблема адекватного цивилизационного самосознания не менее, если не более важна для информационного общества, чем для общества традиционного. Информационное общество, как любое другое, «находится в проблеме» границ цивилизационного пути, выявления сущности своего цивилизационного субъекта, а также выяснения природы субъективной истины. Без самоопределения в этих истинах информационное общество также может испытать на себе действия духовной эрозии, как это случилось с Древним Римом.

Особая проблема – это выяснение тех инкубаторов, в которых происходит созревание и появление на свет сакрального слова — как символа культуры. Здесь гуманитарное знание вынуждено идти эмпири-

ческим путем, описывая различные формы коллективного духовного творчества.

Секуляризация общественной жизни придает функции инкубатора символов культуры художественной литературе, а затем различным формам аудиовизуальной культуры и, в первую очередь, — телевидению. Именно они теперь начинают играть ведущую роль в формировании ориентиров общественного поведения, его виртуальных образцов. Результаты этого формирования зависят от того, какие «светлые головы» их формируют и насколько эти головы осведомлены в цивилизационных проблемах.

Профанность в этих вопросах приводит к тому, что цивилизационная функция слова начинает подчиняться либо идеологическому диктату, либо диктатуре посредственности.

Как идеологическая диктатура, так и диктатура посредственности превращают в «чужого» всякого, кто иронически относится к ее претензиям на единоличное лидерство. Наглядно это проявилось в 90-е годы минувшего века, когда стало возможным превращение мата в язык литературы, доминирование примитивных текстов музыкальной эстрады, утверждение образцов словесной и иной распущенности как нормы жизни.

Целенаправленная деструкция сакрального смысла слова приводит к полному разрушению духовного механизма, который обеспечивает переход человека из скотского состояния к жизни в медиуме высоких ценностей. Слово становится орудием демонического диктата, когда оно превращается в таран ценностей, которые в своей совокупности образуют лестницу духовного восхождения человека. Демонические падения оправдываются недостижимостью абсолюта как непротиворечивого идеала. Но в результате его отрицания происходит падение личности в бездонную пропасть нигилизма.

Для России эта проблема приобрела необычайную остроту. Перед российским самосознанием возникли принципиальные вопросы, обойти которые уже невозможно. Особое место занимает вопрос о культурной идентичности, знании самих себя, своей внутренней духовной сущности как общего мотива цивилизационного поведения. Постоянная смена цивилизационных ориентации порождает такие духовные метаморфозы, которые окончательно запутали цивилизационное самосознание России. Перед каждым теперь стоит вопрос, удачно сформулированный австрийской поэтессой Ингеборг Бахман:

Как себя обрести? Я забыла,
Кто, откуда я, путь мой каков,
Сколько тел у меня уже было,
Крыльев, листьев, копыт и клыков.

Чтобы разобраться с «крыльями, клыками и копытами», нужна духовная идентичность. Жить в духовном вакууме значит жить среди «чужаков» непредсказуемых в своем поведении. Это – ситуация общего безумия в духовной пустоте. Ни тотальная компьютеризация, ни подключение к Интернету не решают этой проблемы.

В этой ситуации постоянно предпринимаются попытки внести в российское самосознание тот или иной «заморский» цивилизационный код. И это, кажется, вполне возможно сделать, если учесть особенности русского национального характера, которому многие исследователи приписывают черты женственности, склонности к терпению, кротости и пассивности. Но это не значит, что нация лишена наблюдательности и не видит всех слабостей и пороков тех, кто, прикрываясь словесной демагогией, обнаруживает свою неспособность к решению ключевых и цивилизационных, и государственных проблем России. И когда такие деятели обращаются со своим торжественным заморским словом к нации, то возникает эффект превращения торжественного слова в пустой звук. Как сказал поэт:

И касаясь торжества,
Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего.

Г.В.Иванов
«Розы»

Таким образом, сакральное слово, которое нельзя победить ни огнем, ни мечом, может лишиться своего священного смысла в силу особых семантических процессов, протекающих в обществе. Эти процессы охватывают различные аспекты общественной жизни, коренным образом видоизменяя ее «дух».

Представленные вниманию читателя материалы раскрывают, какими «странными» путями происходит превращение слов в символы культуры. Каза-

лось бы, они составляют мозаичную картину. Однако на данном этапе гуманитарного знания именно такая мозаичная картина позволяет преодолеть односторонний бихевиористский и рассудочно-знаковый подходы к интерпретации слова в цивилизационном контексте.

Для культурологии как науки важным является раскрытие скрытых смыслов, которые содержат в себе словесные символы, а формирование таких символов происходит в сложной системе эзотерических знаний, мифологии и религии. Для того, чтобы понять эти скрытые механизмы, приходится применять постмодернистскую методологию, создавать теоретический коллаж. Разумеется, такая картина не снимает самого принципиального вопроса: Существует ли та теоретическая нить Ариадны, с помощью которой можно найти адекватный исходный пункт цивилизационного мышления, выявления особенностей формирования духовного кода, определяющего массовое стремление к наполнению священным смыслом человеческих отношений, бесконечному восхождению к фундаментальным целям, обеспечивающим сохранность жизни и продолжение человеческого рода, а значит и воспроизводство изначально базисных отношений, которые фиксируются в слове как вечные ценности? Именно вечные ценности позволяют остановить бесконечное круговращение общественного сознания в полярных крайностях.

И здесь необходимо решить две задачи: во-первых, выявить эти вечные ценности и, во-вторых, придать им такую духовную форму, которая станет основанием общей направленности разума, воли и чувств человека.

Привычные для нашего сознания абстрактные универсалии вряд ли способны решить эту задачу.

Осознание цивилизационного целого оказывается возможным тогда, когда сакральное слово становится предпосылкой формирования образа-схемы, отчетливо определяющей общую стратегию массового поведения, тот тип духовного восприятия своего мира, который формирует стремление к его воспроизводству как смысловому выражению вечных ценностей.

Заметим, что даже сама постановка проблемы цивилизационной интерпретации слова как феномена культуры представляет немалые трудности. Коль скоро она осмыслена, возникает ясная теоретическая перспектива дальнейших исследований в этом направлении. Публикуемые материалы отчетливо показывают, что вокруг этой проблемы, как своеобразной духовной оси, вращается гуманитарное знание в различных его ипостасях и в различные исторические эпохи.

Л.В.Скворцов